

ШАШЛЫК НА ВУЛКАНЕ

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Принято считать, что на Кавказе, особенно в Нагорном Карабахе, шашлык готовить умеют все. По крайней мере — все мужчины. Может, так оно и есть. Однако, «как и во всяком искусстве», здесь имеются свои признанные мастера, настоящие асы, которым, хочешь не хочешь, отдаешь предпочтение.

Я, например, в присутствии нашего зятя никогда не осмелился бы даже дотронуться до мяса. В лучшем случае, могу позволить себе нарубить дрова и следить за костром. Но вот на Камчатке, на этом штормовом и снежном полуострове, где в течение десяти лет я представлял сразу и Кавказ и Карабах, все мои многочисленные друзья и знакомые считали меня этаким магом по части шашлыка. У меня дома был свой камин, который назывался «Карабах», и я всегда удивлял своих гостей настоящими шашлыками из свинины, оленины, зайчатины, кальмара, красной рыбы.

Однажды мне позвонил мой друг Саша Хвостенко. Отличный малый. Ученый. Кандидат экономических наук. Позвонил и, едва переводя дыхание, сообщил, что на Камчатку приехал сам академик Капица.

— Я безмерно рад, что к нам на край света, в такую даль, приехал гениальный современник, — спокойно сказал я в трубку.

— И это все, что ты можешь сказать? — с удивлением спросил Саша.

— А что еще?

— Да ты хоть понимаешь, что приехал не кто-нибудь, а Капица. Капица. Ученик Резерфорда, современный Ньютон, Эйнштейн наших дней.

Я понимал. Конечно, я не физик, но хорошо знал, что академик Петр Леонидович Капица легендарная личность в науке. Мне, врачу, по своей специальности физика не нужна, но однажды перелистывал тонюсенькую брошюру «Сто задач по физике академика Капицы» и, убедившись, что мне не решить ни одной задачи, еще больше поверил в гениальность автора.

Все это, конечно, хорошо, но я ведь начал свой разговор с шашлыка и должен оправдать такое начало. А для этого нужно вновь вернуться к диалогу с Сашей Хвостенко по телефону.

— Да пойми ты, черт возьми, это же Капица, а не кто-нибудь, — продолжал горячиться он.

— Ну, понимаю, — нарочито спокойно говорил я, — но при чем здесь я? И при чем здесь ты?

— Как при чем? — Саша уже кричал в трубку. — Он гость Камчатки — значит, наш гость. И удивить его можно только твоим карабахским шашлыком.

— Это было в августе — академик Капица приехал на Камчатку вместе со своей семьей: женой, невесткой, внучкой и, конечно, сыном — Андреем Петровичем, президентом филиала академии на Дальнем Востоке. Именно поэтому его называют у нас дальневосточным Келдышем. Не случайно решили они приехать в те августовские дни. Накануне «заговорил» вулкан Алаид. Об извержении его за одни сутки узнала вся планета. Вулкан молчал столетиями и вдруг взорвался, да с такой силой, что миг стал самым популярным среди своих собратьев. Академик Капица решил побывать на Алаиде. Для этого нужно было добраться до Курильских островов.

Шашлык на вулкане. Это оригинально. Молодец Хвостенко, здорово придумал! В том, что мы попадем в группу, которая будет сопровождать Капицу на действующий вулкан, я ничуть не сомневался. У нас с Сашей на Камчатке столько же друзей, сколько жителей, включая всех пилотов.

Вылет вертолета был назначен на утро. Ночью на мясокомбинате купили ведро свиных вырезок и к утру первыми прибыли на вертолетную площадку. Пока пилоты ждали академика со свитой, мы с Сашей нарезали здесь же рядом в кустарнике ровные веточки и стали готовить шампурь.

Летели на юг. К Курилам. В вертолете, кроме семьи Капицы и нас двоих, было несколько вулканологов из Камчатского института вулканологии. Они должны были комментировать поведение Алаида. Окружив Петра Леонидовича с трех сторон, вулканологи поочередно показывали вниз, на землю, и что-то громко говорили, прильнув к иллюминаторам. Под нами медленно ползла Камчатка. Чувствовалось, что академик просто ради приличия машет головой вулканологам. В вертолете стоял невероятный гул, который невозможно было перекричать.

Летели вдоль восточного, Тихоокеанского побережья. Синий бесконечный простор, переходящий в горизонт, граничил с зе-

ленным берегом. Между ними проходила белая полоса прибоя. То и дело пролетали над бурлящими и дымящими кратерами вулканов, на склонах которых лежал ослепительно белый снег.

Неплохо зная карту своего полуострова, я все время ждал, что вот-вот покажется западное побережье, то есть берег Охотского моря. Очень хотелось с высоты орлиного полета посмотреть на знаменитый мыс Лопатка. Наконец показались и виды Охотского моря. Удивительное это зрелище: одновременно смотришь на два моря; совершенно разные краски и цвета. Даже в непосредственной близости от мыса, где воды обоих морей сливаются вместе, все равно ощущаешь их различие.

В вертолете все разом задвигались. Мыс Лопатка был виден только с левого борта, и все переместились в одну сторону. Мыс Лопатка очень напоминает остро наточенный наконечник стрелы, вонзенный в Тихий океан. Пролетев еще немного, мы оказались над открытым океаном. В тот день Тихий океан был действительно тихим. Совсем как Дон. На лодке я прошел весь Дон, и спокойнее, тише этой реки ничего не приходилось видеть.

Первым из Курильской гряды показался остров Шумшу. Тогда, любуясь этой землей, я еще не знал, что через несколько месяцев, когда я и мои друзья отправимся в зимний поход по Камчатке, возьмем с собой от военных моряков полуострова сувенир для магаданцев: две гильзы, наполненные священной землей с острова Шумшу, обгаренной кровью наших воинов, освободивших Дальний Восток от японских милитаристов.

Трудно описать океан, пролетая над ним. Я все-таки предпочитаю общаться с ним непосредственно. И не на современном рыболовецком траулере или пассажирском лайнере, а на крохотной лодке или яхте, когда ощущаешь дыхание и пульс океана.

Словно бусинки, нанизанные на невидимую нитку, Курильские острова один за другим тянутся от мыса Лопатки до Японии. Это самое прекрасное ожерелье, которое мне когда-либо доводилось видеть. Сразу же после острова Шумшу следует Алайд. Вулкан курился. Густые столбы желто-белого дыма ползли в сторону океана. Алайд взорвался так, что эхо в виде землетрясения и гула дошло до Петропавловска-Камчатского. Помню, родные, услышав по радио сообщение о взрыве и землетрясении, дали телеграмму, справляясь о моем здоровье. Мало ли что? Вертолет приблизился вплотную к жерлу кратера. Я видел черную гору без вершины. Словно фантастический бесформенный котел стоял посреди бескрайнего океана и, булькая кроваво-

красной лавой, гудел, поднимая в небо облака пара и дыма. Дым, выходящий из кратера и от бугристой поверхности еще не совсем остывшей лавы, переливался в лучах солнца. Даже через иллюминатор вертолета чувствовалось, что он очень едкий и напоминал дым вулкана Авача — гордости Камчатки, первого вулкана, на который мне довелось подняться.

Вертолет приземлился. Так сказать, привулканился. Пилот сделал более двадцати попыток, прежде чем нашел место, где можно было посадить машину. Ведь садились на свежий шлак, и всякий раз колеса, касаясь его поверхности, увязали в нем.

Вулканологи предусмотрительно захватили с собой резиновые сапоги с высокими голенищами и теплые телогрейки. Экипировка пригодилась всем: без резиновых сапог невозможно было бы передвигаться по шлаку. За каждым идущим стоит столб пыли. Ноги проваливаются в шлаке. Все, за исключением меня, были увешены фото — и киноаппаратами. Я, как всегда, делал карандашные наброски в карманный альбом. Так лучше и подробнее запоминается объект.

Поднимались в сторону кратера развернутой шеренгой, чтобы не обдавать друг друга пылью. Вскоре все разбрелись в разные стороны, стрекоча и шелкая аппаратами. Взрыв был такой невероятной силы, что кратер вулкана сместился к основанию горы. Лава, словно свинцовая река, выйдя из недр земли, потекла в океан. За несколько минут территория Советского Союза увеличилась на один квадратный километр.

Через некоторое время, словно сговорившись, все собрались вокруг Петра Леонидовича. Он задавал несметное число вопросов вулканологам и те, рдея и заикаясь, отвечали как на экзамене. Академик, опираясь на сучковатую палку, невесть откуда попавшуюся ему в руки, осмотрелся вокруг и сказал:

— Такое впечатление, будто ходишь не по планете Земля. Словно вернулись на четыре миллиарда лет назад.

— А что? Может, все так и было? — вставил кто-то из присутствующих.

— Может быть, — сказал академик Капица. — Так или иначе это зрелище впечатляющее. Не каждому повезет увидеть такое своими глазами.

Во время извержения вулкан выбросил гигантские камни, которые были раскиданы повсюду. На одном из них вулканологи решили накрыть стол, чтобы перекусить. Они достали большую целлофановую скатерть и стали сервировать стол походному. За камнем, где ветра было поменьше, мы с Сашей

и пилотами разожгли костер из досок, которые предусмотрительно захватили с собой. Вскоре все собрались вокруг костра.

— Это еще зачем? — спросил академик Капица. — Вам что, жара, исходящего из кратера, недостаточно?

— Будем готовить шашлык, Петр Леонидович, — сказал Саша.

— Невероятно! — удивился академик. — Шашлык?! Здесь?! На вулкане?

— А почему бы и в самом деле не делать шашлык прямо у кратера? Там и костра не надо разжигать, — смеясь предложил Андрей Петрович, сын академика, человек богатырского роста и сложения.

Все засмеялись.

Пока суть да дело, вулканологи, ничуть не верившие в затею с шашлыком, принялись зазывать всех к вулканическому столу, обильно уставленному красной икрой, вареной чавычей, соленой кетой, малосольным гольцом, нототенией холодного копчения. Но никто не отходил от вулканического мангала. Все выглядело слишком экзотично: на четырех камнях лежали две жерди, и на них выстроились в ряд огромные шампуры с нанизанными кусками мяса. Минут через пять по всей новой территории Советского Союза в один квадратный километр распространился чарующий аромат шашлыка.

Вулканологи, сервировавшие каменный стол, ревниво косились на мангал и в глубине души сетовали, что их стараний гости не замечают. Наконец шашлык был готов. Академик и его супруга сидели на раскладных стульях. Мы с Сашей раздавали шампуры, и вновь защелкали аппараты. С мяса капал жир, поэтому люди ели, чуть нагнувшись вперед, держа шампуры на вытянутых руках. Мне и Саше, авторам шашлыка, больше всего хотелось узнать мнение академика о нашем блюде. И он, словно прочитав наши мысли, сначала заохал, потом заахал и громко сказал:

— Бесподобно! Это бесподобно!

Все загадели. Налили по рюмке армянского коньяку. Академик выпил и спросил:

— А из какого мяса приготовлен шашлык?

— Из горного барана, — ответил за меня Саша.

Вновь все зашумели, одобрительно покачивая головами. После Саша мне скажет, что нарочно соврал. Боялся, что слово «свинина» разочарует гостей и тем самым вместо экзотичности наступит будничность.

— И много у вас еще есть мяса горного барана? — спросил Капица.

— На шашлык наберется, — вновь ответил за меня Саша.

— Андрюша, — обратился академик к сыну, — что у нас завтра по плану?

— Завтра мы летим в Долину гейзеров, — сказал Капица-младший, — с короткой остановкой у Кроноцкого вулкана, где находится наша научная станция.

— Как хотите, а без этих ребят, — Петр Леонидович показал на меня и на Сашу, — я никуда не поеду.

Когда доели шашлык, вулканологи взахлеб стали расхваливать свои деликатесы. Но к красной икре и к рыбе никто не притронулся, в том числе и сами ребята.

На следующий день Хвостенко и меня у вертолета встретили как самых главных членов экипажа. К группе присоединились два ответственных работника из обкома, и они все время недоумевали: почему знаменитый академик так необычно любезен с нами?

В Долине гейзеров я бывал несколько раз. Она находится в таком трудно доступном месте, что о ее существовании люди узнали совсем недавно, в 1941 году. Долина гейзеров — это особая тема, отдельный разговор. Скажу только, что наш шашлык, приготовленный на фоне фонтанирующих стоградусных гейзеров, пришелся очень кстати.

На берегу реки Гейзерной, рядом с гейзерами, прозванными Великаном и Жемчужным, рядом с мириадами больших и малых фонтанов, которые с шипением бьют из-под земли, покрытой ажурным слоем уникального камня — гейзерита, мы готовили шашлык, и нам помогал прославленный ученый.

Люди на какой-то миг забыли, что находятся рядом со знаменитыми гейзерами, редчайшими явлениями природы, которые можно встретить в четырех местах планеты. Они, улыбаясь, ели и восторженно говорили о горном баране, об архаре. О том, какая это вкуснятина.

Вдруг старый академик потребовал тишины. Все умолкли, и было слышно только, как поют гейзеры. Он поднял рюмку с армянским коньяком и сказал:

— Здесь все так же красиво и величественно, как этот шашлык. — Он поднял деревянный шампур с обгоревшими концами, на котором еще осталось несколько кусков мяса. — Шашлык в Долине гейзеров — такое же уникальное явление, как сами гейзеры. Выпьем за настоящий карабахский шашлык из свинины.

Мы с Сашей поперхнулись.